

Возможно ли абсолютно полное незнание?

Голубинская Анастасия Валерьевна¹, Дорожкин Александр Михайлович²

¹кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории социальной антропологии,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-7119-3968. E-mail: golub@unn.ru

²доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии,

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
профессор Института прикладной физики, Российская академия наук. Россия, г. Нижний Новгород.
ORCID: 0000-0003-2954-1647. E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу практики концептуального разграничения незнания и неведения как отдельных гносеологических состояний. Обращение к столь незначительной, казалось бы, теме обусловлено тем, что понятие незнание наряду с понятием неопределенности, риска и ряда других претендует ныне на статус эпистемологических категорий. Отсюда следует, что ошибок в семантической нагрузке таких понятий необходимо избегать, равно как и вовлечения в разряд категорий, понятий, смысл которых не соответствует такому статусу. Трактовка неведения как особой формы незнания, а именно как абсолютного полного незнания, сложилась в изданиях по истории и философии науки и постепенно распространилась в современное академическое сообщество. Авторы данной статьи предлагают несколько иную точку зрения, опираясь на выявленные онтологические свойства незнания как состояния относительного (предметного и оценочного). В статье показано, что абсолютно полное незнание (в терминологии М. А. Розова, а также И. Н. Петраковой, Н. А. Некрасовой, С. И. Некрасова и В. В. Клепацкого – «неведение») не имеет фундаментальных отличий от незнания, и что описание абсолютного полного незнания как реально существующего гносеологического состояния влечет за собой парадоксальные следствия, в частности, необходимость признания того, что оно может существовать вне разума и вне отношений незнающего и знающего агентов. Во избежание подобных парадоксов предлагается скорректировать терминологический аппарат, а именно уравнивать значения слов «незнание» и «неведение» (что в том числе продиктовано естественным состоянием русского языка) и выделить в качестве отдельных предметов исследования формы и виды незнания (осознаваемое и неосознаваемое, незнание о незнании). Оставляя конечный выбор точки зрения на усмотрение читателя, статья позволяет заключить, что проблема дифференциации незнания не разработана как полноценная система понятий и остается зависимой от контекста, и что язык, при помощи которого осуществляется их анализ, только предстоит сформировать.

Ключевые слова: незнание, неведение, гносеологические состояния, эпистемология незнания, агнотология.

В последние годы в отечественных исследованиях критического мышления все чаще можно встретить идею о разграничении понятий «незнание» и «неведение». К примеру, И. Н. Петракова: «Незнание – это форма знания, потому что область незнания мы можем определить, очертить, потому что мы знаем, что чего-то не знаем. Чтобы увидеть белое пятно, нужно видеть изученные и понятые границы вокруг него». «Область же неведения – это то, что нам абсолютно недоступно, причем мы даже не знаем о том, что это нам недоступно» [5, с. 192]. Та же мысль встречается у Н. А. Некрасовой, С. И. Некрасова и В. В. Клепацкого: «Незнание – это разновидность знаний. Область незнания можно очертить, ибо мы в состоянии определить то, что мы не знаем. Но чтобы эту область незнания определить, нужно что-то знать. Неведение – это область того, что нам абсолютно недоступно. При этом мы даже не подозреваем, что это нам недоступно. Поэтому о том, что мы не ведаем, мы даже не спрашиваем, ибо не знаем, о чем спрашивать. Область неведения нельзя самостоятельно установить» [3, с. 84].

Такой подход к разграничению незнания и неведения по способности вербализовать его и предметно указать на то, что именно неизвестно, происходит из самых ранних российских учебников по истории и философии науки [6, с. 116–118; 7, с. 218–221]. Что касается последних, рассматриваемое разграничение представлено в них М. А. Розовым в целях ознакомления читателей с понятием и видами новаций.

Однако сегодня незнание становится самостоятельной категорией философии и эпистемологии [8; 13], и возникает вопрос о том, насколько данная классификация применима к незнанию как таковому, вне контекста новаций, а потому есть некоторые сомнения в абсолютной достоверности и универсальности представленной выше точки зрения. Попробуем эти сомнения обосновать.

Первое сомнение связано с самим языком, при помощи которого мы пытаемся описать наличие или отсутствие какого-либо знания. С одной стороны, в любом толковом словаре русского языка первое, что указано после определения неведения, – это незнание (толковые словари Ушакова, Ожегова, Современный толковый словарь русского языка Ефремовой), то есть между незнанием и неведением разницы нет. С другой стороны, несмотря на то, что словари избегают детального описания специфических характеристик незнания как состояния, имеющего больше свойств, чем простое «отсутствие знания», список синонимов объемён. Если исключить из этого списка ряд научных терминов, жизнь которых ограничивается в основном словарями, то мы получим круг вероятных значений незнания: невежество, грубость, пренебрежение, темнота, пустоголовость (некто не знает, хотя культурные нормы подразумевают, что должен знать); полужайство, непонимание, неискушенность, некомпетентность, поверхностность (некто не знает, потому что до конца не разобрался); слепота, наивность, филистерство (некто не знает, потому что не интересуется, замкнут); глупость, тупость, неосознанность (некто не знает, потому что не способен к здравому рассуждению); непосвященность (некто не знает, потому что не имеет доступа к такому знанию); забвение (некто не знает, потому что забыл). Анализ отраженных в синонимах незнания явлений позволяет вывести как минимум четыре формы незнания, существующих в повседневных познавательных практиках человека и отраженных в естественном языке: *нечто недоступное, нечто незамеченное, нечто непонятное, нечто забытое*. Эти формы незнания являются субъективными, так как различаются по отношению индивида и знания: определенная информация для одного человека может являться чем-то забытым, для другого – непонятным, для третьего – недоступным. При этом контексты, в которых те или иные синонимы незнания могут быть применены без нарушения естественного порядка коммуникации, четко разделяются. К примеру, человека, не знающего военные стратегии государства, находящиеся под грифом секретности, будет странно называть пустоголовым, а человека, который не знает, как рассчитать выносливость несущей стены, даже если он всю жизнь провел в доме с несущими стенами и осознанием того факта, что они существуют, вряд ли можно назвать слепцом. Таким образом, незнание действительно может быть представлено разными формами или видами, и если необходимо разделять незнание и неведение, то исключительно в рамках более проработанной системы понятий с последующими трансформациями семантики естественного языка.

Второе сомнение касается уже не терминологии, а возможности разграничения онтологического статуса между незнанием, которое можно очертить, и незнанием того, что нам абсолютно недоступно. Не является ли это одним и тем же? Незнание – это определенно феномен сознания, и оно не существует вне реальности или определенной ее части. Представим человека, гипотетически способного к рациональной деятельности, но с рождения изолированного от любых культурных процессов производства и принятия знания и общения с какими-либо людьми, то есть Маугли, который является образцом незнания. Наблюдая за Маугли со своей текущей позиции, мы могли бы легко согласиться с тем, что он находится в состоянии незнания: он не знает строение биологической клетки, поэзию С. Есенина и многое, многое другое. Такой «Маугли», разумеется, способен что-то знать и не знать по собственному опыту: например, когда он обретает убеждение, что черные ягоды не пригодны в пищу, он оказывается в состоянии ретроспективного незнания, сегодня «Маугли» знает это, а прежний «Маугли» этого не знал. Это то, что впервые было отмечено Э. Кондильяком, и что мы можем назвать аргументом ретроспективности: личное незнание субъекта доступно его сознанию только тогда, когда он избавился от этого незнания [2, с. 190]. По меркам приведенных в начале статьи цитат «Маугли» находится в состоянии неведения, он не подозревает, что наши знания ему недоступны, и потому он не способен сформулировать вопрос относительно свое-

го незнания, – но это неведение возможно лишь тогда, когда есть сторонний наблюдатель вроде нас, обладающих этим знанием и способных указать на него. Эту мысль весьма точно проиллюстрировал Дж. Моханти в комментариях к своему исследованию древних философских опытов о незнании: «Что касается квантовой механики, то я знаю, что она является частью современной физики, я знаю, что она была основана Бором и Гейзенбергом, я знаю в целом о принципе неопределенности Гейзенберга, но я не знаю деталей этой теории, ее математики или экспериментальной части. Поэтому я могу сказать, что не знаю квантовой механики. <...> Но есть вещи, которые я не знаю и о которых я даже не могу сказать, что не знаю их, если только кто-нибудь другой не спросит меня: “Ты это знаешь?”, на что я отвечу отрицательно» [17, pp. 98–99]. *То есть условием незнания-неведения становится «знающий» агент, без которого фиксация факта такого неведения становится невозможной.* Иными словами, как верно отметили цитируемые в начале статьи авторы, «чтобы область незнания определить, нужно что-то знать», однако это правомерно как для незнания, так и для неведения.

Итак, незнание – это относительное явление, которое следует из отношений между человеком и внешней средой; оно является предметным (невозможно «не знать вообще» или «не знать что попало», констатировать незнание можно только по отношению к предмету познавательной деятельности), а также между отношением того, что познано в целом, и того, что познано конкретным субъектом (возможно незнание только тех вещей, которые существуют). Приведем аргумент от обратного: если бы мы могли быть в неведении о том, что абсолютно недоступно для нас и нашего вопрошания об этом, то это стало бы примером незнания о том, о чем не может быть знания, а это, в свою очередь, означает, что незнание может существовать вне разума. Парадокс, следующий из подобного рассуждения, был обнаружен Дж. Ферьером и представлен в 1854 г. в той части произведения «Институты метафизики», в которой автор представляет общие принципы исследования незнания: если бы мы могли быть в неведении о том, что не может быть познано никаким разумом, всякое неведение было бы невозможно исправить, что противоречит принципу, согласно которому знание происходит из природы человеческого разума [10, pp. 405–449]. Если мы можем быть в неведении только относительно того, что может быть известно, а объекты невозможно познать без субъекта, следовательно, мы не можем не знать объектов без субъекта. Таким образом, описание неведения как абсолютного и неисправимого незнания вне отношений знающего и незнающего агентов превращает это понятие практически в мистическую категорию, реализующуюся вне познания и вне сознания.

Однако проблема, обнаруженная процитированными авторами, затрагивает, на наш взгляд, крайне интересные аспекты незнания как познавательного состояния человека, и поэтому продолжим наш анализ. Приведенные в начале статьи цитаты указывают на то, что состояние незнание дифференциально, то есть может быть представлено разными состояниями, в частности – оно может быть осознаваемым (незнанием от первого лица – я не знаю) и неосознаваемым (незнанием от третьего лица – кто-то другой не знает). Такая терминология кажется нам более удачной, чем противопоставление незнания неведению. Возможность существования неосознаваемого незнания (например, как это было показано в примере с Маугли) намекает на то, что многообразие форм незнания раскрывается именно в социальном взаимодействии. Добавим в этот ряд еще одно очень близкое по значению слово, – невежество. Невежество – это тоже незнание, но с оценочным характером того, что субъект мог бы и должен был бы знать то, что он не знает. Это означает, что незнание – это не только отношение между тем, что известно в целом, и тем, что известно конкретному субъекту, но еще и отношение между тем, что субъект знает, и социальными ожиданиями относительно того, что субъект мог бы и должен был бы знать. Обратим внимание на простой пример: на вопрос маленького ребенка о том, почему солнце желтое, не принято отвечать описанием рэлеевского рассеяния. Однако не знать, что солнце кажется желтым из-за рэлеевского рассеяния для воспитанника детского сада, аспиранта кафедры оптики и, например, оленевода из числа малых народов, который ведет традиционный образ жизни, совсем не одно и то же: для первого такое знание было бы странным, для второго – необходимым, а для третьего – ни тем, ни другим. Именно это значение термина «незнание», как показал приведенный ранее перечень синонимов, является частотно значимым в естественной речи человека.

Все это указывает на два заключения. Во-первых, незнание невозможно вне отношений, складывающихся между субъектами, или же интерсубъектами, то есть «субъектом-до» и «субъектом-после» (как мы показали ранее, зафиксировать состояние незнания «внутри» од-

ного субъекта возможно только тогда, когда это состояние прошлого знания по отношению к настоящему знанию, допустим, я делаю заключение о том, что вчера я чего-то не знал, а сегодня это знание у меня есть). Оно представляет собой не просто обмен информацией между знающим и незнающим или сравнение их индивидуальных капиталов знаний, но и отражение определенного порядка вещей, социальные ожидания и социальные контексты. В этом смысле понятие неведения М. А. Розова кажется возможным только ретроспективно от лица знающего: «Демокрит, например, не знал точных размеров своих атомов, но мог в принципе поставить соответствующий вопрос. Однако он не ведал о спине электрона или о принципе В. Паули» [7, с. 219]; «После открытия Австралии вполне правомерно было поставить вопрос о животных, которые ее населяют, об образе их жизни, способах размножения и т. д. Это составляло сферу незнания. Но невозможно было поставить вопрос о том, в течение какого времени кенгуру носит в сумке своего детеныша, ибо никто еще не знал о существовании сумчатых. Это было в сфере неведения» [6, с. 118]. Похожая система в западных источниках известна благодаря Дж. Расмфельду: «Существуют вещи, которые мы знаем, и знаем сам факт того, что мы это знаем. Также есть и ситуации, когда нам известно, что мы чего-то не знаем, – известное незнание. Но бывает и неизвестное незнание, когда мы не знаем, что мы этого не знаем» [20, р. XIII]. Хотя следует отметить, что сам Расмфельд – политик, а не ученый, а его высказывание – не концепция, а наблюдательное высказывание, преследующее риторические, а не философские цели. Другое решение для данной терминологической проблемы было представлено А. С. Новиковым, предложившим разграничить незнания проявленные (например, отраженные как ситуации неопределенности в науке) и непроявленные: «Опираясь на историко-культурный опыт, мы осознаем, что за краем неизвестного имеется неведомая безмерность, находящаяся на бесконечной дистанции от человека» [4, с. 10]. Одно из предлагаемых решений – это не дробить состояние незнания, а пересматривать отношение, в котором мы обнаруживаем свое незнание: в отношении с известным и с неизвестным. Последнее как раз не проявлено, не несет семантической нагрузки, а определить его можно только через отрицание того, чем оно не является [4, с. 9–11].

Более перспективной для дальнейшего анализа нам представляется матрица гносеологических состояний Д. И. Дубровского, согласно которой всякий познающий субъект «одновременно и всегда» находится в четырех состояниях: знание о знании, знание о незнании, незнание о знании (присущее субъекту знание не осознается), незнание о незнании. Последнее мыслимо, но существует только ретроспективно: «Двести лет назад никто ничего не знал о вирусах или о радиоактивном излучении, но и не знал, что не знает этого» [1, с. 41]. Экстраполируя это на настоящее, можно сказать, что мы находимся в незнании о том, что будут знать наши потомки. Описание незнания о незнании, через которое человека проводит критическая рефлексия, довольно точно отражает замысел неведения у И. Н. Петраковой, Н. А. Некрасовой, С. И. Некрасова и В. В. Клепацкого: «Конкретные вопросы у субъекта в подобной ситуации начисто отсутствуют, и он даже не подозревает, что они могут возникнуть». Если неведение – это незнание о незнании, то оно – то же самое, что незнание, предметом которого является конкретное информационное сообщение. Полагаем, что термин «незнание о незнании» также является более удачным, чем синоним незнания «неведение», однако со следующей оговоркой: последний член матрицы – это реально не существующая форма, установить такое незнание мы можем только с оглядкой на прошлое, но никак не на будущее. Приведенная в начале статьи точка зрения относительно смысла неведения означает, по сути, отношение настоящего к совершенно неизвестному будущему, что невозможно, потому что о будущем, которого мы полностью не знаем, мы ничего сказать не можем. О будущем, о котором нет знания, не может быть и незнания. Если угодно, можно допустить существование термина «неведение» как такого, который выражает отношение настоящего знания к такому будущему знанию, которое принципиально нельзя предсказать, но высказывание в данном случае имеет нулевую вероятность верности. Таким образом, термин «незнание» можно использовать как в отношении настоящего знания к прошлому, так и в отношении настоящего знания к будущему, если его контуры как-то прослеживаются. А термин «неведение», с нашей точки зрения, возможен как носитель нулевого смысла, причем только в отношении настоящего к будущему, поэтому его применение особого смысла и не имеет. Кстати, заметим, что А. С. Новиков выделяет термин, введенный А. Ф. Лосевым, который, по нашему мнению, гораздо более ярко и четко выражает состояние «неведения» М. А. Розова и его последователей. Это понятие «семантический вакуум» [4, с. 10]. Мы полагаем небесполезным впоследствии более подробно ознакомиться с особенностями введения и использования этого термина.

Во-вторых, если говорить о многообразии форм незнания, то разделение незнания на те, которые мы осознаем, и те, которые мы не осознаем, – это только шаг к системному описанию феномена. Помимо приведенного рассуждения можно справочно указать концепции микро- и макронезнания (Л. МакГоуи [16]), незнание от подстановки и незнание от вытеснения (С. Рейнер [18]), регулируемое и нерегулируемое незнание (П. Галисон [11; 12]), информированным и неинформированным (Д. Иннерарити [14; 15]) и не только [9; 19]. Однако даже в пределах проблемы осознаваемой и неосознаваемой форм незнания двух крайних точек недостаточно для того, чтобы описать реальное положение дел. Незнание – это не только четко определенные пробелы в знаниях, заполнение которых является вопросом времени, но оно также указывает на стратегии, которые можно различать с точки зрения желательности и нежелательности получения информации. Такими являются формы неизвестного, которые могут быть известны и конкретизированы, но которые либо становятся неважными, либо, возможно, даже опасными для поиска новых знаний в данный момент времени. Например, государственное регулирование и ограничение некоторых сфер науки, например, связанных с технологиями клонирования. Примеры могут быть и более простыми: *желание не знать* заранее пол своего ребенка у молодых родителей, или желание не знать развязку романа или фильма, чтобы сохранить интригу и насладиться чтением или просмотром, а также *нежелание знать* и отказ от прохождения тестов на генетические маркеры для людей с наследственным риском развития опасных для жизни заболеваний.

В заключение можно признать, что незнание – это объемное понятие, описывающее различные проявления связываемого с ним состояния. Несмотря на то, что, по нашему убеждению, разграничение незнания и неведения не обосновано и имеет риски образования терминологической путаницы, и пока что мы склонны придерживаться именно этой точки зрения, установить и описать проявления незнания – одна из задач философии. Вероятно, в разных контекстах будут инструментально полезными другие подходы к незнанию: представленная цитируемыми авторами точка зрения имеет свою силу, в частности, в контексте оригинальных учебных изданий она служит переходом к знакомству с парадигмальными и аномальными знаниями («незнание и неведение» за авторством М. А. Розова – это параграф о традициях и новациях, предваряющий главы о научных революциях и открытиях). Предложенная нами точка зрения, конечно, также не без изъяна, и в большей степени она открывает проблему дифференциации незнания, а не решает ее. Несмотря на то, что незнание постепенно перестает быть «странностью» для философии, его онтологический и гносеологический статусы только предстоит описать, и предложенный в статье подход видится нам одним из шагов по направлению к этой цели.

Список литературы

1. Дубровский Д. И. К вопросу о соотношении понятий «знание» и «незнание» // Знание как предмет эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : ИФ РАН, 2011. С. 26–46.
2. Кондильяк Э. Сочинения : в 3-х т. Т. 2 / пер. с франц.; общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. М. : Мысль, 1982. 541 с.
3. Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Философский анализ особенностей и возможностей критического мышления / В. В. Клепацкий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 31. С. 79–86.
4. Новиков А. С. Научные открытия: повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые. М. : Едиториал УРСС, 2003. 112 с.
5. Петракова И. Н. К вопросу о самодостаточности критического мышления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 188–197.
6. Стёпин В. С., Горохов В. Г. Философия науки и техники / М. А. Розов. М. : Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
7. Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. М. : Аспект Пресс, 1996. 551 с.
8. Arfini S., Magnani L. Embodied, Extended, Ignorant Minds: New Studies on the Nature of Not-Knowing. Cham : Springer International Publishing, 2022. 235 p.
9. Arfini S. Situated ignorance: the distribution and extension of ignorance in cognitive niches // Synthese. 2021. Vol. 198. № 5. Pp. 4079–4095.
10. Ferrier J. F. Institutes of metaphysic: the theory of knowing and being. W. Blackwood, 1856. Pp. 405–449.
11. Galison P. Secrecy in three acts // Social Research: An International Quarterly. 2010. Vol. 77. № 3. Pp. 970–974.
12. Galison P., Proctor R. Agnotology in Action: A Dialogue / J. Kourany, M. Carrier (ed.) // Science and the production of ignorance: when the quest for knowledge is thwarted. MIT Press, 2020. P. 27.

13. Gross M., McGoey L. Routledge international handbook of ignorance studies // London : Routledge, 2022. 404 p.
14. Innerarity D. Democracy of Knowledge. Bloomsbury Publishing, 2013. 224 p.
15. Innerarity D. The Ignorance Society: The new way of dealing with non-knowledge // The Ignorance Society and other essays. Infonomia, 2009. Pp. 40–47.
16. McGoey L. Micro-ignorance and Macro-ignorance in the Social Sciences // Social Research: An International Quarterly. 2020. Vol. 87. № 1. Pp. 197–217.
17. Mohanty J. N. The Dialectic of Knowledge and Ignorance in Advaita Vedānta // The Truthful and the Good. Dordrecht : Springer, 1996. Pp. 98–99.
18. Rayner S. Uncomfortable knowledge: the social construction of ignorance in science and environmental policy discourses // Economy and Society. 2012. Vol. 41 (1). Pp. 107–125.
19. Routledge international handbook of ignorance studies / M. Gross, L. McGoey (ed.). Routledge, 2022. 404 p.
20. Rumsfeld D. Known and Unknown : A Memoir. USA : Penguin Group, 2011. 883 p.

Is it possible to be completely ignorant?

Golubinskaya Anastasia Valeryevna¹, Dorozhkin Aleksandr Mikhailovich²

¹PhD in Philosophical Sciences, researcher at the Laboratories of Social Anthropology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-7119-3968. E-mail: golub@unn.ru

²PhD in Philosophical Sciences, professor, professor of the Department of Philosophy,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; professor the Institute of Applied Physics, Russian Academy
of Science. Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0003-2954-1647. E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the practice of conceptual differentiation of ignorance and ignorance as separate epistemological states. The appeal to such a seemingly insignificant topic is due to the fact that the concept of ignorance, along with the concept of uncertainty, risk and a number of others, now claims the status of epistemological categories. It follows that errors in the semantic load of such concepts should be avoided, as well as the involvement in the category of categories, concepts whose meaning does not correspond to such a status. The interpretation of ignorance as a special form of ignorance, namely, as absolute complete ignorance, has developed in publications on the history and philosophy of science and has gradually spread to the modern academic community. The authors of this article propose a slightly different point of view, based on the identified ontological properties of ignorance as a relative state (objective and evaluative). The article shows that absolutely complete ignorance (in the terminology of M. A. Rozov, as well as I. N. Petrakova, N. A. Nekrasova, S. I. Nekrasova and V. V. Klepatsky – "ignorance") it has no fundamental differences from ignorance, and that the description of absolute complete ignorance as a really existing epistemological state entails paradoxical consequences, in particular, the need to recognize that it can exist outside the mind and outside the relations of ignorant and knowledgeable agents. In order to avoid such paradoxes, it is proposed to correct the terminological apparatus, namely, to equalize the meanings of the words "ignorance" and "ignorance" (which is also dictated by the natural state of the Russian language) and to identify as separate subjects of research the forms and types of ignorance (conscious and unconscious, ignorance of ignorance). Leaving the final choice of point of view at the discretion of the reader, the article allows us to conclude that the problem of differentiation of ignorance has not been developed as a full-fledged system of concepts and remains context-dependent, and that the language by which their analysis is carried out has yet to be formed.

Keywords: ignorance, nescience, epistemological states, epistemology of ignorance, agnotology.

References

1. Dubrovskij D. I. *K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "znanie" i "neznanie"* [On the question of the relationship between the concepts of "knowledge" and "ignorance"] // *Znanie kak predmet epistemologii* – Knowledge as a subject of epistemology / ed. V. A. Lektorsky. M. IF RAS, 2011. Pp. 26–46.
2. Kondil'yak E. *Sochineniya : v 3-h t. T. 2* [Essays : in 3 vols. Vol. 2] / transl. from French; gen. ed. and notes by V. M. Boguslavsky. M. Mysl (Thought), 1982. 541 p.
3. Nekrasova N. A., Nekrasov S. I. *Filosofskij analiz osobennostej i vozmozhnostej kriticheskogo myshleniya* [Philosophical analysis of the features and possibilities of critical thinking] / V. V. Klepatsky // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* – Herald of Tver State University. Series: Philosophy. 2022. No. 31. Pp. 79–86.
4. Novikov A. S. *Nauchnye otkrytiya: povtornye, odnovremennye, svoevremennye, prezhdnevremennye, zapozdalye* [Scientific discoveries: repeated, simultaneous, timely, premature, belated]. M. Editorial URSS, 2003. 112 p.

5. Petrakova I. N. *K voprosu o samodostatochnosti kriticheskogo myshleniya* [On the issue of self-sufficiency of critical thinking] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities.* 2021. No. 2. Pp. 188–197.
6. *Styopin V. S., Gorohov V. G. Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology] / M. A. Rozov. M. Kontakt-Alpha, 1995. 384 p.
7. *Filosofiya i metodologiya nauki – Philosophy and methodology of science* / ed. by V. I. Kuptsov. M. Aspect Press, 1996. 551 p.
8. *Arfini S., Magnani L. Embodied, Extended, Ignorant Minds: New Studies on the Nature of Not-Knowing.* Cham : Springer International Publishing, 2022. 235 p.
9. *Arfini S. Situated ignorance: the distribution and extension of ignorance in cognitive niches* // *Synthese.* 2021. Vol. 198. No. 5. Pp. 4079–4095.
10. *Ferrier J. F. Institutes of metaphysics: the theory of knowing and being.* W. Blackwood, 1856. Pp. 405–449.
11. *Galison P. Secrecy in three acts* // *Social Research: An International Quarterly.* 2010. Vol. 77. No. 3. Pp. 970–974.
12. *Galison P., Proctor R. Agnotology in Action: A Dialogue* / J. Kourany, M. Carrier (ed.) // *Science and the production of ignorance: when the quest for knowledge is thwarted.* MIT Press, 2020. P. 27.
13. *Gross M., McGoey L. Routledge international handbook of ignorance studies* // London : Routledge, 2022. 404 p.
14. *Innerarity D. Democracy of Knowledge.* Bloomsbury Publishing, 2013. 224 p.
15. *Innerarity D. The Ignorance Society: The new way of dealing with non-knowledge* // *The Ignorance Society and other essays.* Infonomia, 2009. Pp. 40–47.
16. *McGoey L. Micro-ignorance and Macro-ignorance in the Social Sciences* // *Social Research: An International Quarterly.* 2020. Vol. 87. No. 1. Pp. 197–217.
17. *Mohanty J. N. The Dialectic of Knowledge and Ignorance in Advaita Vedānta* // *The Truthful and the Good.* Dordrecht : Springer, 1996. Pp. 98–99.
18. *Rayner S. Uncomfortable knowledge: the social construction of ignorance in science and environmental policy discourses* // *Economy and Society.* 2012. Vol. 41 (1). Pp. 107–125.
19. *Routledge international handbook of ignorance studies* / M. Gross, L. McGoey (ed.). Routledge, 2022. 404 p.
20. *Rumsfeld D. Known and Unknown : A Memoir.* USA : Penguin Group, 2011. 883 p.

Поступила в редакцию: 22.12.2023

Принята к публикации: 26.03.2024